

Она назвала его «Ваше Высочество»?

Опираясь ладонью о подушку, Янь Тин случайно наткнулся на что-то твёрдое. Опустив взгляд, он увидел лежащий там ярко-жёлтый императорский указ.

Развернул — и это оказался указ о возведении его в ранг наложницы.

В начале шла целая гора слов, в которых его расхваливали до небес. Человеколюбие, праведность, благопристойность, мудрость, добродетель и таланты — все эти прекрасные качества, которых у него отродясь не было, ему насильно приписали.

Янь Тин моргнул и остановился лишь на двух самых важных иероглифах.

Пэй Сюньчжи даровал ему титул...

Лекарственной наложницы?

Почему это звучит почти как «наложница-чаровница»?

Янь Тин потянулся и небрежно бросил указ обратно. Настроение было прекрасным, даже едва заметная ямочка на правой щеке мягко обозначилась.

Наложница-чаровница так наложница-чаровница. С тираном они как раз идеальная пара.

...

Он не знал, что весть о том, как Пэй Сюньчжи возвёл его в ранг наложницы, словно ураган, за считанные часы облетела каждый уголок Юйчжао.

Жители столицы, как всегда, оказались осведомлённее всех. Не прошло и половины дня, как они раскопали всю биографию Янь Тина до последней мелочи. По городу ходили даже рассказы о том, что при рождении он не закричал, пока повитуха несколько раз не хлопнула его по заднице.

— А ведь Янь Юаньчэн и правда талант! Всю жизнь ошибался, а в единственный раз угадал. Его сын стал единственной наложницей нынешнего императора. Какая честь!

— Цок-цок. При его нынешней должности уездного начальника девятого ранга сыну максимум светил бы какой-нибудь низший дворцовый ранг. А император сразу возвёл его в наложницы! После наложницы идёт благородная наложница, а после неё — императрица. Вот насколько император его любит!

— Кто бы мог подумать! Я-то ждал, когда Янь Юаньчэн станет посмешищем, а он поднялся благодаря сыну. Эх, вот бы и у меня был красивый, нежный, хрупкий сын — тогда богатство и почести достались бы уже мне!

Но были и те, кто придерживался противоположного мнения.

— Вы не забывайте: нашего императора вокруг пальца не обведёшь. Может, ему просто пока интересно. Вот надоест ему однажды эта забава — даже думать страшно, что станет с Лекарственной наложницей.

— Разве не говорят, что он болезненный красавец? Может, император ещё не успеет им наиграться, а тот уже увянет молодым и навсегда станет белой луной в самом сердце государя.

Одни охали и вздыхали, другие завидовали, третьи с нетерпением ждали, чем закончится это представление.

Половина людей не верила, что Янь Тина ждёт хорошее будущее. Но это ничуть не мешало чиновникам, успевшим провиниться перед Пэй Сюньчжи, зашевелиться.

Тиран любит мужчин, не так ли?

Значит, надо найти красивых мужчин.

Янь Тин — болезненный красавец?

Значит, надо найти тех, кто болен ещё сильнее Янь Тина.

И потому, когда Пэй Сюньчжи, не жалея коней, вернулся во дворец, главный евнух с мучительным выражением встретил его и после долгих колебаний всё же сообщил:

— Ваше Величество, прислали новую партию красавцев. Не желаете взглянуть?

Пэй Сюньчжи вернулся весь в дорожной пыли, за всю дорогу даже не поспал и устало потёр переносицу.

— Передай им, чтобы больше не присылали к Нам кого попало. Кто ещё раз пришлёт — тому перебить собачьи ноги.

Главный евнух поспешно согласился, однако ноги его словно приросли к земле. Он вымученно улыбался и не уходил. Было очевидно: он хотел сказать что-то ещё, но не решался.

Заметив странность, Пэй Сюньчжи прищурился.

— Что ещё?

— Ваше Величество, — старое лицо главного евнуха сморщилось, словно хризантема, дрожащая на зимнем ветру, — вы... вы всё-таки сходите и посмотрите.

Редко увидишь его в таком смятении. Пэй Сюньчжи из любопытства направился во дворец Аньцин, где разместили красавцев.

Он ещё не вошёл, а уже услышал непрерывный хор кашля.

Шаг Пэй Сюньчжи замедлился. На мгновение ему показалось, что он пришёл в Императорскую медицинскую палату.

Он нахмурился. За тяжёлыми дверями стояло с десятков мужчин: все бледные, как полотно, все в безупречно белых одеждах, будто по миру бродила толпа неприкаянных призраков.

У одного лоб был зловеще потемневшим, у другого под глазами лежали чёрные круги, у третьего ноги ходили ходуном, и он едва мог стоять.

Увидев Пэй Сюньчжи, они тут же закашляли ещё старательнее. В воздухе даже будто заблестели брызги слюны, сплетаясь в картину, от которой сердце невольно уходило в пятки.

Выглядели они действительно тяжело больными.

Пэй Сюньчжи и без того никогда не отличался добродушием. Его лицо мгновенно помрачнело.

Заметив ещё одного человека, лежавшего на полу, он спросил:

— А с этим что?

Главный евнух принял вид человека, которому уже всё равно, вошёл во дворец Аньцин сквозь летящие брызги слюны и дрожащей рукой поднёс пальцы к носу лежащего.

Потом изумлённо сказал:

— Ваше Величество, похоже, он умер от болезни. Не дышит.

— ...

Тиран, который обычно не выдавал ни радости, ни гнева, впервые не сумел удержать выражение лица.

— Откуда их привезли, туда пусть и катятся. Чтобы не мозолили Нам глаза.

Пэй Сюньчжи стиснул ладонь, изо всех сил подавляя желание зайти внутрь и порубить всех без разбору.

— Чиновникам, которые их прислали, каждому удержать жалованье за три месяца. А того мертвеца пусть приславший его чиновник явится лично и унесёт домой на собственной спине.

Главный евнух закивал, боясь лишний раз попасть под горячую руку.

Пэй Сюньчжи уже повернулся уходить, но будто вспомнил ещё кое-что и добавил:

— Прикажи вычистить дворец Аньцин изнутри и снаружи. Ни пылинки не оставить.

Отдав распоряжения, Пэй Сюньчжи, всё ещё полный злости, отправился в Императорский кабинет.

Злиться дальше было бессмысленно. Спать идти нельзя. А накопившиеся за эти дни доклады всё равно нужно было разбирать.

Пэй Сюньчжи сел за стол и раскрыл толстую стопку мемориалов.

Первый прислал правый канцлер. Он сообщил, что ночью наблюдал небесные знамения и увидел движение звезды Красного Луана, что якобы предвещало скорое появление истинной судьбы императора.

...С каких пор правый канцлер отобрал работу у Управления астрономии?

Пэй Сюньчжи нахмурился, размашисто написал «прочитано» и раскрыл второй мемориал.

Этот прислал правитель Лучэна. Он докладывал, что его подчинённый умер от болезни. Всю жизнь тот якобы бедствовал и каждый день питался только зеленью да жидкой рисовой кашей. После смерти гадатель заявил: раз человек всю жизнь страдал, его нужно похоронить в гробу, выдолбленном из цельного ствола, и тогда в следующей жизни он родится в хорошей семье. Однако покойный весил шестьсот цзиней, и подходящего гроба никак не находилось. Тело всё не могли предать земле, поэтому правитель просил Пэй Сюньчжи приказать срубить тысячелетнее дерево в столице и подарить семье подчинённого, дабы утешить сердце своего верного слуги.

...На зелени и рисовой каше можно отъесться до шестисот цзиней? Кого он обманывает?

Пэй Сюньчжи бросил мемориал на пол.

Третий и четвёртый тоже были о какой-то бытовой чепухе, а от пятого у него окончательно потемнело в глазах. Жена главы Управления церемоний сошлась с женой главы Судебной палаты. Это что, настолько почётное событие? Зачем тащить его на рассмотрение императору?

Желание кого-нибудь убить стало окончательно невыносимым. Надо вытащить из подземной тюрьмы пару человек и пустить под нож.

Он тут же поднялся.

Но едва дошёл до двери, как навстречу кто-то выбежал и прямо врезался ему в грудь.

<http://bllate.org/book/19030/1869138>